

Часть 1

М. Сейерс, А. Канн

СОЗДАНИЕ И КРАХ «ПЯТОЙ КОЛОННЫ» В СССР¹

С момента захвата Гитлером власти в Германии развязывание международной контрреволюции стало составной частью нацистских планов завоевания мира. В каждой стране Гитлер приступил к мобилизации контрреволюционных сил, отныне эти силы превращались в «пятую колонну» нацистской Германии, в организации измены, шпионажа и террора. Эта «пятая колонна» стала тайным авангардом германских вооруженных сил.

Одна из самых мощных и значительных «пятых колонн» действовала в Советской России. Ее возглавлял человек, являющийся, быть может, самым примечательным политическим ренегатом в истории.

Имя этого человека было Лев Троцкий.

Когда родилась германская «третья империя», Троцкий уже был главарем международного антисоветского заговора, располагавшего значительными силами в самом Советском Союзе. Находясь в изгнании, Троцкий замышлял свергнуть советское правительство, возвратиться в Россию и захватить власть.

«Было время, — писал Уинстон Черчилль в своей книге «Великие современники», — когда Троцкий стоял очень близко к вакантному трону Романовых».

¹ Из книги М. Сейерса и А. Канна «Тайная война против Советской России».

Изменниками становятся, а не рождаются. Подобно Бенито Муссолини, Пьеру Лавалю, Паулю Йозефу Геббельсу, Жаку Дорио, Ван Цзинвею и другим известным авантюристам, Троцкий начал карьеру, выступив как диссидент, как «крайний левый» в революционном движении своей родины.

С самого начала левая оппозиция в Советской России действовала двумя путями: открыто, с публичной трибуны, в своих газетах и аудиториях оппозиционеры несли свою пропаганду в народ. За сценой же подпольные совещания Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Радека, Пятакова и др. выработывали свои стратегические планы и договаривались о тактике оппозиции.

На базе этого оппозиционного движения Троцкий создал в России тайную организацию заговорщиков, построенную по «системе пятерок», которую в свое время ввел английский агент Сидней Рейли и которая применялась эсерами и другими антисоветскими заговорщиками.

К 1923 г. подпольный аппарат Троцкого уже представлял собой широко разветвленную организацию. Троцким и его приверженцами были разработаны для нелегальной связи специальные коды, шифры и пароли. По всей стране были организованы подпольные типографии. Троцкистские ячейки были созданы в армии, дипломатическом корпусе, в государственных и партийных учреждениях.

Много лет спустя Троцкий сообщил, что сын его Лев Седов был в это время вовлечен в троцкистский заговор, который давно уже не представлял политической оппозиции в большевистской партии, а был на грани слияния с тайной войной против советского строя.

«В 1923 году, — писал Троцкий в 1938 г. в своей брошюре «Лев Седов: сын, друг, борец», — Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщической деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов. В скором времени в комсомоле выросли собственные кадры руководителей оппозиции».

* * *

Но Троцкий не ограничился организацией заговоров внутри Советской России...

Зимой 1921/22 г. один из руководящих троцкистов — Николай Крестинский, бывший адвокат, смуглый брюнет с уклончивым взглядом бегающих глаз — был назначен советским послом в Германии. В Берлине Крестинский явился с официальным визитом к генералу Гансу фон Секту, командующему рейхсвером. Из донесений своей разведки Сект знал, что Крестинский — троцкист. Немецкий генерал дал понять Крестинскому, что рейхсвер сочувствует целям русской оппозиции, возглавляемой военным комиссаром Троцким.

Несколько месяцев спустя, в Москве, Крестинский сообщил Троцкому об этих словах генерала Секта. Троцкий отчаянно нуждался в средствах для финансирования своей растущей подпольной организации. Он сказал Крестинскому, что оппозиция в России нуждается в союзниках за рубежом и что она должна быть готова к заключению союзов с дружественными державами. Германия, добавил Троцкий, не является врагом России; ввиду наличия в Германии реваншистских настроений в отношении Франции и Англии, столкновение ее с Советской Россией на ближайшее время исключено. Оппозиционные политики в Советской России должны быть готовы к тому, чтобы воспользоваться этой ситуацией...

В 1922 г. Крестинский вернулся в Берлин с тайной инструкцией. Троцкий поручил ему, «воспользовавшись встречей с Сектом при официальных переговорах, предложить ему, Секту, чтобы он оказывал систематическую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троцкистской работы». Вот что произошло, по рассказу Крестинского: «Я поставил этот вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом... Генерал Сект, поговоривши со своим заместителем, начальником штаба, дал принципиальное согласие

и поставил в виде контртребования, чтобы Троцкий в Москве или через меня передавал ему... некоторые секретные и серьезные сведения военного характера. Кроме того, чтобы ему оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых бы они посылали на территорию Советского Союза в качестве разведчиков. Это контртребование генерала Секта было принято и, начиная с 1923 года, этот договор стал приводиться в исполнение».

* * *

Тотчас же после смерти Ленина Троцкий стал заявлять о своих притязаниях на власть. На тринадцатом партийном съезде, в мае 1924 г., Троцкий потребовал, чтобы его платформа была поставлена на голосование. Семьсот сорок восемь большевистских делегатов съезда единодушно голосовали против платформы Троцкого и осудили его борьбу за личную власть. Всенародное осуждение Троцкого было столь очевидным, что даже Бухарин, Зиновьев и Каменев были вынуждены публично присоединиться к большинству и голосовать против него. Троцкий яростно обрушился на них за «измену». Но несколько месяцев спустя Троцкий и Зиновьев снова объединили свои силы и образовали «новую оппозицию».

«Новая оппозиция» пошла дальше, чем все предшествовавшие фракции этого рода. Она открыто призывала к «обновлению руководства» в Советской России и, развернув во всей стране пропаганду и политическую борьбу против советского правительства, собрала вокруг себя все недовольные и враждебные элементы. Сам Троцкий писал впоследствии: «В охвостье этого авангарда плелись всякого рода недовольные, непристроенные и обозленные карьеристы». Шпионы, вредители из Торгпрома, белогвардейцы, террористы устремились в тайные ячейки «новой оппозиции». Эти

ячейки стали собирать оружие. На советской территории начала формироваться тайная троцкистская армия.

«У нас должна быть политика дальнего прицела, — говорил Троцкий Зиновьеву и Каменеву (он вспоминает об этом в «Моей жизни»), — мы должны готовиться к длительной и серьезной борьбе».

Находившийся за пределами России капитан Сидней Джордж Рейли из английской Интеллидженс сервис решил, что настал момент для нанесения удара. Претендент на пост русского диктатора Борис Савинков — марионетка англичан — был послан в Россию летом 1924 года для подготовки ожидавшегося контрреволюционного мятежа.

По словам Уинстона Черчилля, который и сам был причастен к этому заговору, Савинков тайно поддерживал общение с Троцким. В своей книге «Великие современники» Черчилль пишет: «В июне 1924 г. Каменев и Троцкий совершенно ясно предложили ему (Савинкову) вернуться».

В том же году близкий сторонник Троцкого Христиан Раковский был назначен советским послом в Англии. Вскоре после его прибытия в Лондон к Раковскому (о котором Троцкий в 1937 г. писал: «это мой настоящий старый друг») явились в его служебный кабинет два офицера Интеллидженс сервис — капитан Армстронг и капитан Локкарт. Английское правительство сначала отказывалось принять советского представителя в Лондоне. Явившись к Раковскому, офицеры английской разведки, по его словам, обратились к нему с вопросом: «Знаете ли вы, каким образом вы получили агреманы в Англии?.. Мы осведомились относительно вас у господина Истмена и узнали о вашей принадлежности к течению мистера Троцкого, о вашей близости с ним. И только вследствие этого обстоятельства Интеллидженс сервис дало агреманы на назначение вас полпредом в эту страну».

Несколько месяцев спустя Раковский вернулся в Москву. Он рассказал Троцкому о том, что произошло в Лондоне.

Английская разведка, как и германская, желала завязать отношения с оппозицией.

«Это такое дело, над которым следует задуматься», — сказал Троцкий.

* * *

Спустя несколько месяцев у Троцкого, как он впоследствии писал в «Моей жизни», появилась «загадочная температура», происхождение которой «московские врачи никак не могли объяснить», Троцкий решил, что ему необходимо поехать в Германию.

В Германии, по его собственной версии, Троцкий остановился в «частной клинике в Берлине», где его навещил Николай Крестинский, исполнявший роль связиста между Троцким и германской военной разведкой. В то время как Троцкий и Крестинский совещались в клинике, к ним в комнату, по словам Троцкого, неожиданно вошел немецкий «полицейский инспектор» и объявил, что тайная немецкая полиция принимает чрезвычайные меры для охраны Троцкого ввиду раскрытого ею заговора против его жизни.

Этот испытанный прием разведки позволил Троцкому и Крестинскому провести немало часов за закрытой дверью в обществе представителя германской тайной полиции...

Летом того же года между Троцким и германской разведкой было достигнуто соглашение. Впоследствии Крестинский следующим образом охарактеризовал условия этого соглашения: «Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты... Эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее... В 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством как в Москве, так и у братских партий... Сект... выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему несистематически, от случая к случаю,

должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что, в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, то есть, главным образом, требования концессий и заключения другого рода договоров. После запроса Троцкого и получения от него согласия я дал генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер, а не спорадический, как это было раньше. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения...

...Деньги продолжали поступать. Начиная с 1923 года по 1930 год, мы получали каждый год по 250 тысяч германских марок золотой валютой».

Вернувшись в Москву из поездки в Германию, Троцкий повел решительную кампанию против советского руководства. «В течение 1926 года, — пишет Троцкий в „Моей жизни“, — партийная борьба развивалась с нарастающей интенсивностью. Осенью оппозиция произвела открытую вылазку на партийных собраниях». Эта тактика провалилась и вызвала повсеместное осуждение среди рабочих, гневно клеймивших попытку троцкистов внести разложение в ряды партии. «Оппозиция, — писал Троцкий, — была вынуждена отступить...»

* * *

Когда летом 1927 г. над Россией нависла угроза войны, Троцкий возобновил свои атаки против советского правительства. В Москве Троцкий открыто заявил: «Мы должны восстановить тактику Клемансо, который, как известно, выступил против французского правительства в то время, когда немцы находились в восьмидесяти километрах от Парижа».

Сталин заклеил это заявление Троцкого как изменническое. «Создается, — сказал Сталин, — нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

Снова было проведено голосование по вопросу о Троцком и его оппозиции. На общепартийной дискуссии подавляющее большинство в семьсот двадцать четыре тысячи против четырех тысяч отвергло платформу троцкистской оппозиции и высказалось за руководство Сталина.

В «Моей жизни» Троцкий описывает ту лихорадочную заговорщическую деятельность, которая развернулась после его ошеломляющего поражения в результате общепартийной дискуссии. «В различных районах Москвы и Ленинграда были созваны тайные собрания при участии рабочих и студентов обоего пола, приходивших группами от двадцати до ста и двухсот человек послушать того или иного из представителей оппозиции. В течение дня мне приходилось бывать на двух, трех, а иногда и четырех таких собраниях...

«Оппозиция умело подготовила большое собрание в помещении Московского высшего технического училища, которое было занято изнутри... Попытки администрации прекратить собрание оказались тщетными. Каменев и я говорили около двух часов».

Троцкий лихорадочно готовился к предстоящему открытому выступлению. В конце октября его планы созрели. 7 ноября, в день десятой годовщины большевистской революции, должен был произойти путч. Возглавить его предстояло наиболее решительным приверженцам Троцкого из его бывшей лейб-гвардии. Специальные отряды были выделены для захвата стратегических пунктов в стране. Сигналом к путчу должна была явиться политическая демонстрация против советского правительства во время массового парада рабочих в Москве, утром 7 ноября. Впоследствии Троцкий писал в «Моей жизни»: «Руководящая верхушка оппозиции шла на встречу финалу с открытыми глазами. Мы достаточно ясно понимали, что сделать наши идеи общим достоянием ново-

го поколения мы можем не путем дипломатии и уклонения от действий, а лишь в открытой борьбе, не останавливаясь ни перед какими практическими последствиями».

Путч Троцкого провалился уже в самом начале. С утра 7 ноября, когда рабочие демонстрации шли по улицам Москвы, на них посыпались с высоких зданий троцкистские листовки, возвещавшие «приход нового руководства». Небольшие группы мятежников с троцкистскими лозунгами и плакатами внезапно появились на улицах. Они были сметены разгневанными рабочими.

Советские власти приняли энергичные меры. Муралов, Смирнов, Мрачковский и другие бывшие участники военной гвардии Троцкого были немедленно арестованы. Камнев и Пятаков были арестованы в Москве. Правительственные агенты произвели обыски в тайных троцкистских типографиях и в складах оружия. Зиновьева и Радека арестовали в Ленинграде, куда они направились для организации путча одновременно с московским. Один из сторонников Троцкого, дипломат Иоффе, бывший послом в Японии, покончил самоубийством. Кое-где троцкисты были арестованы в обществе бывших белых офицеров, эсеровских террористов и иностранных агентов...

Троцкий был исключен из большевистской партии и сослан.

* * *

Троцкий был сослан в Алма-Ату, столицу Казахской советской республики в Средней Азии, вблизи китайской границы. Ему и его жене Наталье, и сыну, Седову, был отведен дом. Советское правительство еще не представляло себе подлинного масштаба и значения его заговора. Ему разрешили сохранить при себе несколько личных телохранителей, в том числе бывшего офицера Красной Армии Эфраима Дрейцера. Ему позволили получать и отправлять личные

письма, иметь свою библиотеку и секретный «архив» и время от времени принимать друзей и почитателей.

Однако Троцкий и в ссылке не прекратил своей заговорщической деятельности...

27 ноября 1927 г. самый изворотливый из всех троцкистских стратегов, немецкий агент, дипломат Николай Крестинский написал Троцкому секретное письмо, в котором излагался стратегический план, усвоенный троцкистскими заговорщиками на будущее время. «Со стороны троцкистской оппозиции, — писал Крестинский, — нелепо пытаться продолжать открытую агитацию против советского правительства. Вместо этого троцкисты должны постараться вернуться в партию, занять ответственные посты в советском правительстве и продолжать борьбу за власть в самом правительственном аппарате». Характеризуя стоящую перед троцкистами задачу, Крестинский писал: «Медленно, постепенно, упорной работой внутри партии и в советском аппарате можно восстановить, вновь заработать доверие масс и влияние на них».

Тактический план Крестинского понравился Троцкому. Вскоре, как впоследствии признал Крестинский, Троцкий обратился к своим арестованным и сосланным последователям с инструкцией «вернуться обманным путем в партию», «законспирироваться» и «занять более или менее самостоятельные ответственные посты». Пятаков, Радек, Зиновьев, Каменев и другие сосланные оппозиционеры начали отмежевываться от Троцкого, объявили свою прошлую оппозицию «трагической ошибкой» и подали заявления о восстановлении в партии.

Дом Троцкого в Алма-Ате стал центром активных антисоветских интриг. «Идеологическая жизнь оппозиции в то время кипела как в котле», — писал впоследствии Троцкий в своей брошюре «Лев Седов». Из Алма-Аты Троцкий руководил тайной кампанией пропаганды и подрывной деятельности, направленной против советского режима.

Сыну Троцкого Льву Седову было поручено руководство системой тайной связи, при посредстве которой Троцкий общался со своими сторонниками и другими оппозиционерами в стране. В двадцать с небольшим лет Седов, наделенный преизбытком энергии и уже приобретший опыт прожженного конспиратора, сочетал фанатичную преданность целям оппозиции с чувством горечи и озлобления, которое в нем вызывало эгоистически самовластное поведение его отца. В своей брошюре «Лев Седов» Троцкий описывает ту важную роль, которую играл Седов, руководя из Алма-Аты системой связи заговорщиков. Троцкий писал: «Зимой 1927 года... Льву исполнилось двадцать два года... Его работа в Алма-Ате в течение этого года была поистине беспримерной. Мы называли его нашим министром иностранных дел, министром полиции и министром связи. Выполняя все эти функции, он должен был опираться на нелегальный аппарат».

Через Седова поддерживалась связь с секретными курьерами, доставлявшими сообщения в Алма-Ату и увозившими директивы Троцкого.

Иногда из Москвы приезжали специальные курьеры. Встречаться с ними было делом непростым... Внешние сношения поддерживались исключительно Львом. Порой он уходил из дому дождливой ночью или в сильный снегопад, или же, обманывая бдительность соглядатаев, укрывался на целый день в читальне, чтобы потом встретиться с курьером в общественной бане или в густом кустарнике где-нибудь на окраине, или на по-восточному людном городском базаре, где толпы казахов шныряли среди лошадей, ослов и наваленных грудami товаров. И каждый раз он возвращался с ценной добычей, спрятанной под одеждой.

Через руки Седова проходило в неделю не менее «ста документов секретного характера». В дополнение к этому Троцкий рассылал из Алма-Аты большое количество пропагандистских материалов и личных писем. Многие из этих писем содержали «директивы» для его приверженцев и антисо-

ветскую пропаганду. «Между апрелем и октябрём (1928 г.), — хвастал Троцкий, — мы получили приблизительно тысячу писем и документов и около семисот телеграмм. За этот же период мы отправили пятьсот телеграмм и не менее восьмисот политических писем...»

* * *

В декабре 1928 г. к Троцкому в Алма-Ату был направлен представитель советского правительства. Судя по записи в «Моей жизни», он сказал Троцкому следующее: «Деятельность ваших политических единомышленников в стране приняла в последнее время явно контрреволюционный характер. Условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам возможность руководить этой деятельностью...» Советское правительство требует от Троцкого обещания прекратить эту подрывную деятельность. В противном случае правительство будет вынуждено принять против него энергичные меры как против изменника. Троцкий отказался внять этому предостережению. Его дело было рассмотрено в Москве Особым совещанием при ОГПУ.

В сорок первом номере газеты «Правда» от 19 февраля 1929 г. было опубликовано следующее сообщение ТАСС: «Л. Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого совещания при ОГПУ. С ним, согласно его желанию, выехала его семья».

Троцкий был выслан из Советского Союза. Это было началом самого необыкновенного этапа в его карьере.

«Изгнание обычно означает уход со сцены; в случае с Троцким произошло обратное, — писал впоследствии Исаак Маркусон в своей книге „Бурные годы“. — Пока Троцкий находился в пределах СССР, его можно было уподобить жалющему шершню, но и на расстоянии многих тысяч миль его жало не утратило своей остроты. Действуя издали, он стал заклятым врагом России... Мастер демагогии, он жил в фанта-

стической атмосфере национальных и международных заговоров, подобно герою детективного романа Е. Филиппа Оппенгейма».

13 февраля 1929 г. Лев Троцкий приехал в Константинополь. Огромные заголовки в мировой прессе возвестили его приезд. Иностранцы корреспонденты собрались на пристани в ожидании принадлежащей частному лицу моторной лодки, которая должна была доставить его на берег. Раздвигая толпу корреспондентов, Троцкий прошел к ожидавшему его автомобилю, у руля которого сидел один из его личных телохранителей, и машина унесла его туда, где его ждало заранее приготовленное помещение.

В Турции разразилась политическая буря. Просоветские круги требовали высылки Троцкого. В антисоветских кругах его приветствовали как врага советского режима. Турецкое правительство колебалось. Циркулировали слухи, что оно подверглось дипломатическому давлению держав, заинтересованных в том, чтобы удержать Троцкого в Турции, поблизости от советской границы. Наконец, был достигнут компромисс. Троцкий остался в Турции и в то же время не в Турции. «Красному Наполеону», как его называла пресса, было предоставлено убежище на принадлежащих Турции Принцевых островах. Через несколько недель после прибытия Троцкий, его жена, сын и группа его телохранителей поселились на Принцевых островах.

На этом живописном черноморском острове, где Вудро Вильсон мечтал созвать мирную конференцию из представителей союзных держав и Советского государства, изгнанный Троцкий учредил свою новую политическую штаб-квартиру; его главным помощником и заместителем был его сын — Лев Седов... «На Принцевых островах, — писал впоследствии Троцкий, — была тем временем успешно сформирована новая группа молодых сотрудников из различных стран, работавшая в тесном контакте с моим сыном».

Лихорадочная атмосфера таинственности и интриг окружала небольшой дом, в котором жил Троцкий. Снаружи дом охранялся полицейскими собаками и вооруженными телохранителями. Жилище Троцкого кишело авантюристами радикального толка, выходцами из России, Германии, Франции и других стран. Троцкий называл их своими «секретарями». Они образовали новую гвардию Троцкого. Дом его осаждали посетители: антисоветские пропагандисты, политики, журналисты, падкие до лжегероики эмигранты и новоявленные приверженцы «мировой революции». Двери в кабинет Троцкого, где происходили его частые совещания с ренегатами коммунистического или социалистического движения, охранялись. Время от времени Троцкого навещали агенты Интеллидженс сервис и другие загадочные личности, визиты которых были окружены тайной.

Вначале главарем вооруженной лейб-гвардии Троцкого на Принцевых островах был Блюмкин, эсеровский убийца, с двадцатых годов с собачьей преданностью следовавший за Троцким. В конце 1930 г. Троцкий отправил его в Советскую Россию со специальным заданием. Блюмкин был задержан советскими органами безопасности, предан суду, признан виновным в антисоветской пропаганде и в контрабандном ввозе в страну оружия и расстрелян.

Впоследствии личная гвардия Троцкого возглавлялась французом Раймондом Молинье и американцем Шелдоном Хартом.

* * *

Троцкий всеми силами старался сохранить в изгнании свою репутацию «великого революционера». Ему шел пятидесятый год. Приземистый, слегка сутулый, он становился все более грузным и обрюзгшим. Его знаменитая копна черных волос и остроконечная бородка поседели, но движения все еще были быстрыми и нетерпеливыми. Черные глаза за